

КОММУНИКАТИВНЫЕ



СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

---

Э. А. БАЛЬБУРОВ

# РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Вопросы  
поэтики

Ответственный редактор  
член-корреспондент РАН  
Е. К. Ромодановская



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
МОСКВА 2010

УДК 801.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)-4\*84  
Б 20

*Издание подготовлено в рамках проекта «Русский космизм в философской и филологической интерпретации», Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональный аспекты)»*

**Редакционный совет серии:**

*М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), М. Н. Дарвин (РГГУ, Москва),  
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),  
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), В. И. Тюпа (РГГУ, Москва),  
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), В. Шмид (Гамбургский ун-т)*

**Бальбуров Э. А.**

**Б 20** Русская философская проза: Вопросы поэтики / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 216 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0406-5

Работа представляет собой итог многолетних размышлений автора над близостью судеб философской и художественной речи. Пронизывая из общего корня, они исторически разошлись в своих специфических, закреплённых традицией языковых формах, сохранив память о своем былом единстве. В XX в. она как бы ожила в их устойчивом встречном движении друг к другу. Почему философия становится прозой, а проза склоняется к философии? Необходимость и особенности этого процесса, актуализировавшего нетрадиционно звучащую тему *поэтики* философской прозы, рассматриваются автором на материале произведений преимущественно русской словесности, с ее *традиционной* близостью фигур философа и художника слова. Помимо исследования приемов и принципов художественно-философского повествования в творчестве философов и писателей — Н. Бердяева, П. Флоренского, Л. Шестова, В. Розанова, М. Пришвина, И. Бунина, А. Платонова и др. большое внимание уделено вопросам культурно-исторических особенностей формирования философской мысли в России.

Книга адресована всем, кого увлекает тема «философия и литература» как в ее специально-теоретическом, так и общекультурном аспектах

**ББК 83.3**

**Эдуард Африканович Бальбуров**  
**РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА: Вопросы поэтики**

Издатель А. Кошелев Зав редакцией М. Тимофеева Корректор А. Полякова.  
Оригинал-макет Л. Морозовой Художественное оформление переплета М. Бологова

Подписано в печать 14.04.2010. Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная Гарнитура Times Усл. печ. л. 13 Тираж 800 экз. Заказ № 3269.

Издательство «Языки славянской культуры» № госрегистрации 1037739118449

Phone 959-52-60 E-mail l.rc.phouse@gmail.com Site <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета» «Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова» 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2

ISBN 978-5-9551-0406-5

© Э. А. Бальбуров, 2010  
© Институт филологии СО РАН, 2010  
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2010

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Введение . . . . .                                                                                                     | 7   |
| Философская речь в системе языка . . . . .                                                                             | 12  |
| Авторитет и автор: к становлению традиции философской прозы . . . .                                                    | 34  |
| Мировоззренческий стиль религиозной философии<br>(Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Л. Н. Шестов, В. В. Розанов). . . . | 57  |
| Лирика мысли Вячеслава Иванова . . . . .                                                                               | 80  |
| Мифологема Софии в художественном сознании Серебряного века<br>(В. Соловьев, А. Блок, А. Белый). . . . .               | 85  |
| Новая мифология Михаила Пришвина . . . . .                                                                             | 97  |
| Спонтанность как принцип поэтики философской прозы. . . . .                                                            | 108 |
| <i>«Тэхне» (τέχνη) и «мания» (μανία): две концепции искусства . . . . .</i>                                            | 108 |
| <i>Поэтика произвольных воспоминаний</i>                                                                               |     |
| <i>в прозе Марселя Пруста и Ивана Бунина . . . . .</i>                                                                 | 113 |
| <i>Принцип спонтанности в поэтике русской лирической прозы . . . . .</i>                                               | 124 |
| Поэтика мысли Андрея Платонова . . . . .                                                                               | 136 |
| Поэтический космос Анатолия Кима . . . . .                                                                             | 150 |
| Об «особенной стати» России . . . . .                                                                                  | 157 |
| Поэтическая философия русского космизма . . . . .                                                                      | 178 |
| Заключение . . . . .                                                                                                   | 198 |
| Список литературы . . . . .                                                                                            | 201 |
| Именной указатель . . . . .                                                                                            | 207 |
| Предметный указатель . . . . .                                                                                         | 212 |



## ВВЕДЕНИЕ

Философия — это речь мысли, исполненная любви к своему предмету. Слово приходит к философской мысли естественно, как солнечный свет идет к вещам, открывая их для нас. *Естественность* сама нуждается в пояснении, представляя собой одно из самых загадочных слов языка. Восточный мудрец Лао-Цзы ставил естественность на вершину своего знаменитого причинного ряда: человек следует земле, земля — небу, небо — дао, а дао следует естественности. Речь идет о каком-то еще более непостижимом, чем само дао, последнем основании мирового порядка. Тогда естественность в сочетании мысли и слова философа может означать следующее: направляемые эросом, они призваны *совпасть* с мировой целокупностью, как бы произрасти из нее новым побегом — моментом истины. Эти особые состояния сознания приходят не как добыча, а как дар. Философская речь *спонтанна*, и это еще одно загадочное слово, требующее пояснения. После того как немецкие романтики и Кант ввели его в философский оборот, оно получило новый смысл, отличный от самопроизвольности в его исходном и обыденном значении. Спонтанность мысли (духа) — это свободная причинность, беспредпосылочное движение к выражению. Не философ выбирает словесное жилище для мысли, а она сама знает, где ей поселиться. Не потому ли слово философской речи обычно не становится предметом специального внимания? Его не замечают, как не замечают свет, открывающий мир.

В отличие от имманентных состояний мысли высказывание трансцендентно. Покидая лоно сознания, слово, если воспользоваться образом Андрея Платонова, подобно ребенку, покидающему материнскую утробу. Он как бы переступает порог, за которым его встречает холодок чужого стылого мира, где материнская ласка и тепло домашнего очага еще как-то могут продлить его покинутый рай, но не в силах уберечь от неизбежного «остывания» в конце пути. Так и слово, вылетая в мир, замирает в устном или письменном тексте. «В каждой душе, — писал Михаил Пришвин, — слово живет, горит и светится, как звезда на небе, и как звезда, погаснет, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит

с наших губ»<sup>1</sup>. Но как зажигаются новые звезды, так оживает и слово в своей новой жизни, будучи воспринятым тем, к кому оно обращено, оживает во всей полноте своего одухотворенного тела. Под телесной полнотой слова мы имеем в виду его внутреннюю форму, которую Потебня определял как производящее слово, предшествующее нынешнему. В простых случаях мы ее видим (подснежник, медведь и т. п.), но обычно путь, пройденный словом до его нынешнего состояния, огромен и не всегда ясен даже специалистам-этимологам. Его преемственные пласты не видны, но слово «помнит» их как события и приключения своей семантической судьбы, опыт своего тернистого пути от вещи к имени. Этот «палимпсест» слова, зачастую игнорируемый его обыденным или специальным употреблением, опознается и схватывается употреблением творческим, «муками слова». Из этих угаданных оттенков слова, как из фрагментов мозаики или витража, возникает чудо текста, способного передать «окрашенность» мысли.

Философские произведения, даже если они написаны хорошей прозой, не принято рассматривать в плане поэтики. Традиция их изучения — это почти исключительно анализ идей. Высказывание А. Ф. Лосева о том, что философская система любого мыслителя прошлых времен должна рассматриваться нами не только систематически-понятийно, но и стилистически-художественно, пока остается только пожеланием. В. Подорога в энциклопедической статье о философском произведении ставит проблему его формы в прямую зависимость от противоборства в современной гуманитарной культуре между идеологией тотального произведения (как идеального проекта философского высказывания) и идеологией тотального текста (словесная ткань высказывания, сплетающая его «мерцающие значения»). С этой точки зрения «практически во всех классических философских произведениях доминирует антитекстовая идеология: системосозидательный импульс нейтрализует текстовые содержания с помощью контроля за языковым выражением». Ей противостоит постструктуралистская идеология текста, упраздняющая произведение как коммуникативный проект. «Философское произведение утрачивает свои границы, распадаясь на текстовые фрагменты, становится бесконечно интерпретируемым»<sup>2</sup>. На место традиционной процедуры чтения ставится контекстная и интертекстная герменевтическая интерпретация «философского архива».

<sup>1</sup> Пришвин М. М. Женьшень. М., 1986. С. 466.

<sup>2</sup> Подорога В. А. Произведение философское // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000—2001. Т. 3. М., 2001.



Отмечая некоторые продуктивные итоги постструктуралистских исследований по лингвистике, риторике, семиотике текста, автор сетует, что «при таком подходе мы не в состоянии отличать индивидуальные формы философствования (стили) и как следствие — уникальность и редкость коммуникативных стратегий мысли»<sup>1</sup>. Лосевская тема философского стиля формулируется автором статьи как актуальная задача: понять «почему сегодня уже невозможен классический стиль философствования и почему виртуозная техника фрагмента заместила собой классические философские системы»<sup>2</sup>.

В. Биbihин в своей ставшей бестселлером работе «Язык философии» оценивает подобные проблемы скептически: «Пока мы распространяемся о “поэтике” философского текста, мы всего лишь бродим по пустырям философских пригородов, глотаем пустоту». Кроме того, «вычислять правила построения философского текста» равносильно тому, как если бы нам подавали настойчивые знаки, а мы, наблюдая их, задумывались бы о возможностях пластики человеческого тела. Мы могли бы при этом даже гордиться своей наблюдательностью. Но настоящей причиной наших наблюдений был бы все же отказ принять эти жесты как обращенные к нам»<sup>3</sup>. Перемены, которые произошли в философии последних двух веков и нашли отражение в таких ее определениях, как «практическая», «экзистенциальная», «нравственная», «поступающая» и др., *актуальность* ее «настойчивых знаков» — все это, действительно, отодвигало вопросы формы в тень, делало их как бы неуместными. Но важность их для философии такого рода как раз возрастает, так как от формы зависит, дойдет ли ее слово до читателя. Аргументом может послужить читательский успех работы самого В. Биbihина. Если мы задумаемся о его причине, то первое, что придет на ум, это, скорее, не его отменная философская эрудиция и талант мыслителя, а стиль. Его магия идет впереди смысла, как бы уберегая его от поспешных истолкований. Пересказывать его идеи — занятие неблагодарное, они потеряют не просто лицо, как это принято говорить, они потеряют все.

Слово принадлежит человеку не технически, а органически, телесно. «В слове дышит его дыхание, речь размечена ритмом сердцебиения. Голос вмещает кроме дыхания вместе с дыханием также и чувство с его протяжением, силой, тоном, т. е. напряжением. Речь разворачивается во

<sup>1</sup> Подорога В. А. Произведение философское // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000—2001. Т. 3. М., 2001.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Биbihин В. Язык философии. СПб., 2007. С. 107.

времени, как жизнь. Через дыхание, ритм, тон язык не символически и иносказательно, а непосредственно втянут уже в своей языковой стихии в природу человечества, сросся и ушел корнями в человеческий мир и через него в целый мир»<sup>1</sup>. Эти слова сказаны тем же В. Бибихиным, тонким аналитиком языка философии, и их трудно ставить рядом с его выше цитированными рассуждениями о поэтике философского текста. Почему философия становится прозой, а проза склоняется к философии? В чем необходимость и особенность этого процесса? Прояснение этих вопросов, как мы попытаемся показать, задача отнюдь не маргинальная.

Прежде чем было сказано слово философии, уже было слово мифа, которое он успел высказать обо всем. Философ и поэт имели дело с этим образом мира, в интерпретации которого их пути постепенно разошлись. «Как только мифология появляется и совершенно заполняет собою сознание, поэзия и философия расходятся из этого общего для них центра, причем на первых порах расходятся медленно. Ибо если первый признак отделения философии от мифологии замечен уже в Гесиоде, то требуется все время от Гесиода до Аристотеля, чтобы философия вполне отделилась от всего мифологического содержания, а следовательно, и от поэзии. Не далек ли путь [...] от почти мифического способа выражения первого до чисто понятийного изложения второго?»<sup>2</sup> В своем устремлении заглянуть за поверхность текущих явлений и стать вневременной мудростью философия не могла не разойтись с поэзией, с искусством слова, которое открывало свои *сущности*, следуя тому же философскому устремлению, но открывая их в сфере *существования*. Однако, имея общую цель, философия и литература не могли не встретиться вновь. Это произошло с возвращением в философию субъекта мысли, сначала в статусе трансцендентального, которого В. С. Соловьев назвал «самозванцем без философского паспорта»<sup>3</sup>, затем подлинного собственника сознания, философа-автора, живущего в своем собственном времени. Открытие времени не в виде априорной формы чистого разума, на которой еще лежала тень аристотелевской категориальности, а процесса, в котором *движется* сама истина, стало решающим фактором возвращения философии к покинутой ею сфере реального существования. Изменения и противоречия в мышлении были осознаны не как недостаток его логичности, а как естественная и необходимая форма, которая «помнит» свое рождение из бинарных оппозиций. Формально-логическое

<sup>1</sup> Бибихин В. Язык философии. СПб., 2007. С. 93.

<sup>2</sup> Шеллинг В. Ф. Й. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 200.

<sup>3</sup> Соловьев В. С. Собр. соч. СПб., 1900—1903. Т. VIII. С. 171.